

книжной повестью прежнего времени и произведениями устной словесности, — очередной вопрос в истории старинной русской литературы времени ее перехода к «новой». В этом смысле работа В. Ф. Ржиги представляет не малый интерес и шаг вперед в истории литературы, несмотря на ряд предшествовавших работ о «Повести о Горе и Злочастии» (Буслаева, Костомарова, А. Веселовского, Маркова и др.). Он поставил себе задачей — ближе подойти к литературным особенностям «Повести» путем детального ее стилистического анализа сравнительно с произведениями устной словесности, постоянно имея в виду традиционность стилистических приемов последней; поэтому он тщательно — с почти исчерпывающей полнотой — сопоставляет «Повесть» с былинной (приемы и формулы стиля, художественные образы), затем сопоставляет ее с аналогичными по содержанию (песни о Горе) лиро-эпическими и лирическими устными песнями как великорусскими, так и белорусскими и украинскими. Результат этого сложного, кропотливого анализа таков: «„Повесть“ интересна как литературное явление, тесно соединяющее в себе не только элементы фольклора и книжности, но и старинного агиографического письма и новой манеры обобщенного реалистического повествования» (стр. 66). Сравнительное же изучение устных песен о Горе и «Повести» привело автора к такому наблюдению: среди этих песен различаются две версии, из коих одна, архаическая, приурочена к образу девицы и хранит в себе следы дохристианских представлений о судьбе, и другая, исключительно великорусская, приурочена к образу молодца и стоит в генетической зависимости от «Повести»: «Повесть», как сложный синтез различных книжных и фольклорных элементов, снова опустилась в фольклорную среду и вызвала в ней ряд лирических и лиро-эпических новообразований (стр. 314, 315).

А. Д. Седелников. Где была написана «Задонщина»? (IX, 524—536). Пересмотревши литературную традицию всех немногочисленных известных списков «Задонщины», ознакомившись с условиями литературной обстановки, в каких могла появиться «Задонщина», автор заметки находит возможным принять, что Задонщина создавалась в Пскове, если составитель ее Софония и был рязанцем, т. е. был выходцем из Рязанского княжества.

Н. Н. Дурново. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе (труд В. М. Истрина, т. III). — Рецензия (IX, 801—815). В своем отзыве о первых двух томах труда В. М. Истрина (Slavia, IV, 1925 стр., 446—450) Н. Н. Дурново нашел возможным предположить, что переводчиком Амартола был русский, но работавший с более опытными